

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 372.882

© Алексеев Кирилл Васильевич

— кандидат филологических наук, доцент, декан факультета русской филологии и национальной культуры Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина
ki.alekseev@gmail.com

Русский язык как объект национальной безопасности Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматривается русский язык как объект национальной безопасности Российской Федерации, специфическими чертами которого прежде всего является то, что он одновременно входит в систему обеспечения всех трех основополагающих объектов безопасности: безопасности личности, общественной безопасности и государственной безопасности. Кратко описываются связанные с современным состоянием государственного языка России угрозы, к которым, в частности, относятся неоправданное использование иноязычной лексики; никем не контролируемое и ничем не мотивированное, кроме привлечения внимания, использование в названиях различных коммерческих организаций и предприятий латиницы или смешение латиницы и кириллицы; огромное количество англоязычных заимствований, используемых прежде всего в Интернете; снижающийся уровень грамотности и профессиональной компетентности государственных и муниципальных служащих; правописание в нормативных правовых актах, отличающееся от нормативного; отсутствие правового регулирования издательской деятельности и др. Представлен лаконичный анализ Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г., в том числе в сравнении со Стратегией национальной безопасности 2015 г. Показывается, что в целом, несмотря на некоторые недочеты, Стратегия 2021 г. открывает серьезные перспективы для кардинальных изменений в сфере защиты и поддержки государственного языка Российской Федерации. Делается общий вывод, что русский язык как государственный является специфическим объектом национальной безопасности России. Его можно отнести к универсальному объекту государственной безопасности, личной безопасности и общественной безопасности (причем, всех трех одновременно). Государственный язык России выступает в качестве своего рода гаранта иных объектов указанной

триады, например, территориальной целостности в сфере государственной безопасности или духовной и материальной ценности в области общественной безопасности.

Ключевые слова: русский язык; объект национальной безопасности; специфика русского языка как объекта национальной безопасности.

© Kirill V. Alekseev

— Candidate of Philological Sciences, docent,
dean of the faculty of Russian philology and national culture
of the Ryazan State University named for S. Yesenin

Russian language as an object of national security of the Russian Federation

Abstract. The current paper has presented the analysis of the Russian language as an object of national security of the Russian Federation, the specific features of which, first of all, is that it is simultaneously included in the system of ensuring all three fundamental security objects, such as personal security, public security and state security. There have been briefly described the threats associated with the current state of the official language of Russia, which, in particular, include the unjustified use of foreign language vocabulary; the use of the Latin alphabet in the names of various commercial organizations and enterprises, or a mixture of the Latin and Cyrillic alphabet, which is not controlled by anyone and is not motivated by anything, except for attracting attention; a huge number of English borrowings used primarily on the Internet; declining literacy and professional competence of state and municipal employees; spelling in normative legal acts that differs from normative; lack of legal regulation of publishing, etc. There has been presented a laconic analysis of the National Security Strategy of the Russian Federation 2021, including its comparison with the National Security Strategy of 2015. There has been shown that, in general, despite some shortcomings, the Strategy of 2021 opens up serious prospects for serious changes in the field of protection and support of the official language of the Russian Federation. There has been made a general conclusion that the Russian language as the official language is a specific object of the national security of Russia. It can be classified as a universal object of national security, personal security and public security (moreover, all three at the same time). The official language of Russia acts as a kind of guarantor of other objects of this triad, for example, territorial integrity in the field of national security or spiritual and material value in the field of public security.

Keywords: Russian language; object of national security; specificity of the Russian language as an object of national security.

Современные исследователи феномена «безопасность» обращают внимание на существенную роль определения объектов безопасности. Действительно, четкое понимание сущности и, возможно, специфики явлений, предметов, процессов, подлежащих защите на уровне государства, позволяет эффективно и системно обеспечивать национальную безопасность в целом. По справедливому мнению ученых, «объект безопасности можно определить как явление (предмет, процесс, отношения), которое находится в состоянии защищенности и устойчивого развития благодаря реализации специальных мер» [11, стр. 93, 94]. Следуя за законодателем, исследователи выделяют три основополагающих объекта национальной безопасности: личность, общество и государство. Данный подход полностью соответствовал ст. 1 Закона РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности», утратившего силу в 2010 г. Четкое обозначение объектов национальной безопасности отсутствует в современном законодательстве о безопасности и документах стратегического планирования, и это в определенном смысле обуславливает расхождение теории и законодательной практики в данном вопросе, а также размывает понятийный аппарат. Конечно, можно с определенным удовлетворением отметить, что три указанных ключевых объекта безопасности, хотя и не названы объектами, приобрели конституционный статус в соответствии с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Однако, как представляется, обеспечение безопасности личности, общества и государства неоправданно ограничено контекстом новой редакции п. «м» ст. 71 Конституции РФ, в котором указанное обеспечение трех основополагающих объектов безопасности относится лишь к применению информационных технологий и обороту цифровых данных. Тем не менее утверждение в качестве базовой триады объектов национальной безопасности личности, общества и государства представляется уместным и оправданным, а отсутствие такого обоснования в действующем базовом законодательном акте о безопасности — временным.

Обеспечение безопасности трех указанных основополагающих объектов требует дальнейшей градации последних, поскольку в сферах «безопасность личности», «общественная безопасность» и «государственная безопасность» появляются более конкретные объекты, подлежащие правовой охране.

В данном контексте представляется целесообразным вновь обратиться к утратившему силу Закону РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности», в котором не просто перечислялись основные объекты безопасности (личность, общество, государство), но раскрывалось их содержание или, иными словами, выделялись указанные более узкие, конкретные объекты. Так, в сфере безопасности личности были обозначены права и свободы последней, в области общественной безопасности — «его материальные и духовные ценности», а в рамках

государственной безопасности — «его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность». Необходимо отметить, что в некоторых действующих нормативных правовых актах еще остаются понятия материальных и духовных ценностей. Так, в Концепции общественной безопасности в Российской Федерации (утверждена Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685) «под общественной безопасностью понимается состояние защищенности человека и гражданина, *материальных и духовных ценностей общества* от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», а в Федеральном законе от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» «под безопасностью туризма понимаются безопасность туристов (экскурсантов), сохранность их имущества, а также ненанесение ущерба при совершении путешествий окружающей среде, *материальным и духовным ценностям общества*, безопасности государства». Однако это представляется явно недостаточным. Кроме того, анализируя материальные и духовные ценности общества, можно констатировать, что они являются жизненно важными интересами последнего.

К описанным выше конкретным объектам относится, в частности, и государственный язык. При этом данный уникальный феномен, как представляется, можно определенно относить и к материальным, и к духовным ценностям. С языком духовные ценности общества коррелируют, в частности, в действующих Основах законодательства Российской Федерации о культуре (утверждены Верховным Советом РФ 9 октября 1992 г. № 3612-1). Действительно, культура, особенно в многонациональном государстве, немислима без объединяющего все национальности и народы в единое целое языка. Используя терминологию обновленной Конституции РФ, следует подчеркнуть, что язык государствообразующего народа становится языком общения, образования, театра и кино и т.д. Однако главное, чем характеризуется духовная ценность языка, — это способность человека с помощью языка мыслить, выражать свои чувства и эмоции. Язык материализуется в произведениях литературы, театра и кино, средствах массовой информации, закрепляется в иных печатных изданиях, передаваемых из поколения в поколение. Таким образом, государственный язык отражает жизненно важные интересы общества.

Русский язык в качестве объекта национальной безопасности обладает некоторыми специфическими чертами, отличающими его от иных объектов. Прежде всего речь идет о том, что государственный язык Российской Федерации является объектом и безопасности личности, и общественной, и государственной безопасности одновременно, что, как правило, несвойственно иным объектам.

Язык в системе обеспечения национальной безопасности имеет очевидное значение, поскольку взаимосвязь языка, сознания и мышления давно доказана в философии, лингвистике, психологии и других науках. Соотношение языка, мышления и сознания заинтересовало ученых уже давно. Так, В. фон Гумбольдт считал приоритетным язык, который фактически формирует мышление, являясь его материальным воплощением [7]; эту точку зрения разделял и выдающийся отечественный лингвист А. А. Потебня [14]. В советский период в рамках марксистско-ленинской философии язык и мышление практически полностью отождествлялись. Однако с конца XX в. такой подход все чаще стал подвергаться сомнениям. Так, в некоторых работах появилось разделение мышления на вербальное и невербальное [5]. Среди различных точек зрения, связанных с соотношением языка и мышления, как представляется, наиболее близки к истине те, согласно которым язык и мышление — явления не тождественные, но оказывающие влияние друг на друга [13]. Иными словами, мышление, представляя собой самостоятельный феномен, выражается преимущественно посредством языка, который в свою очередь оказывает существенное качественное влияние на мышление и сознание человека. Все сказанное определяет значимость языка как объекта безопасности, поскольку уровень развития мышления и сознания человека находится в непосредственной взаимосвязи с языком, а согласно ст. 2 Конституции РФ «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» в Российском государстве.

В сфере безопасности личности русский язык призван обеспечить реализацию целого ряда конституционных прав и свобод: «свобода мысли и слова», «право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом», «обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления», право на образование. Языковая среда влияет на психическое и общекультурное развитие ребенка, подростка, юноши (девушки), взрослого человека, предопределяя в том числе и их социальное будущее. Именно язык стимулирует развитие мышления и выход его на все более высокие качественные уровни. По справедливому замечанию Н. Н. Азарнова, «совместная деятельность и язык являются основополагающими факторами становления человеческой личности, ее сознания и всего ансамбля высших психических функций» [1, стр. 44]. Таким образом, нормативность, чистота, соответствие традициям государственного языка в стране оказывает большое позитивное влияние на личность и ее судьбу, т.е. обуславливает ее защищенность. Напротив, если язык пребывает в состоянии деградации, испытывает чрезмерное влияние иностранных языков, переполнен жаргонизмами, ненормативной лексикой, сознание человека и его мышление уже с раннего возраста формируются неправильно, с определенными отклонениями. Таким образом, с полной

ответственностью можно говорить о том, что охрана государственного языка в России является одним из направлений обеспечения безопасности личности.

В сфере *общественной безопасности* государственный язык в качестве объекта также нуждается в охране, поскольку с точки зрения единства общества, материальных и духовных ценностей его роль сложно переоценить. По мнению В. фон Гумбольдта, язык отражает дух народа и одновременно формирует этот дух [7]. С такой позицией сложно не согласиться, особенно в случае с русским языком, образность и величие которого отражает не только выдающиеся историю и культуру, но и саму суть многонационального народа России. Существование единого социокультурного пространства, безусловно, ставится под вопрос, если в государстве наблюдается деградация государственного языка. К сожалению, реалии последних лет показывают, что разрушительные процессы в языковой сфере, связанные с засорением языка жаргонизмами, ненужными заимствованиями, лжепрофессионализмами, тенденцией «к языковой экономии» [15, стр. 79] и другими факторами, представляют все большую угрозу общественной безопасности.

Общность языка — постоянный и неизбежный атрибут таких понятий, как «народ», «нация», «этнос». На протяжении более чем тысячелетней истории Российское государство, прирастая новыми территориями, совершенно мирно и ненасильственно распространяло на последний язык, а через него — свою культуру. Несмотря на все грандиозные потрясения Российская империя не исчезла, а превратилась в Советское государство, после распада которого появилась Российская Федерация. Думается, что огромную роль в этом сыграл именно язык народа — русский язык, не допустивший полного исчезновения великой страны. Иными словами, изменение одного или всех элементов формы государства не повлекло краха народа, объединенного языком, посредством которого сохранялась богатейшая культура в целом.

Рассматривая язык с таких позиций, как представляется, можно более точно понять процессы, происходящие в странах бывшего СССР. Устремлениям ориентированных на Запад новых политических элит некоторых бывших республик Советского Союза, а ныне суверенных государств совершенно очевидно мешает в первую очередь русский язык, который вопреки границам обеспечивает *фактическую* общность многих граждан этих стран с многонациональным народом России. Именно поэтому и на законодательном, и на бытовом уровне так активно преследуют русский язык на Украине и в странах Прибалтики (к сожалению, русофобские настроения, выражающиеся прежде всего на лингвистическом уровне, появляются и в некоторых других постсоветских государствах, например, в Казахстане). Однако если материальные воплощения языка (книги, фильмы и т.д.) в каком-то объеме уничтожить можно (хотя в условиях информационного общества сложно), то язык как

духовная ценность не может быть побежден насильственным способом. Именно поэтому на Украине, государственный язык которой, как русский и белорусский, входит в восточнославянскую группу языков, преследование по языковому признаку нередко сопровождается казусами: даже крайне русофобски настроенные политические деятели в публичных выступлениях нередко переходят на русский язык, как и большое количество националистически настроенных граждан этой страны в социальных сетях. Практика показывает, что ущемление какого-либо языка в государстве (особенно когда на нем говорит значительная часть граждан) приводит только к негативным последствиям — от бытовых конфликтов до вооруженного противостояния.

Таким образом, язык является в первую очередь объектом общественной безопасности; он определяет прежде всего общность народа (нации), который в свою очередь становится либо цементирующим государство началом, либо изменяющим или даже уничтожающим его. Такой подход лежит в основе Устава Организации Объединенных Наций, а не государств.

Еще более серьезное звучание получает русский язык в контексте *государственной безопасности*, для которой в современной России одним из наиболее важных объектов становятся суверенитет, территориальная целостность и конституционный строй. Русский язык в условиях федеративного многонационального государства приобретает особое значение, позволяя государству осуществлять эффективное управление на территории всей страны, а гражданам разных национальностей свободно общаться. В связи с этим вполне оправданной представляется новая конституционная норма, согласно которой русский язык является государственным на всей территории России «как язык государствообразующего народа». Сложная структура Российского государства предполагает наличие таких субъектов, как республики, имеющие конституционный статус государств и собственные государственные языки, используемые наряду с государственным языком Российской Федерации. Данный факт нередко становится поводом для различных дискуссий о соотношении русского языка как государственного и национальных государственных языков республик. В связи с этим можно утверждать, что языковая проблема в нашей федерации может при определенных, в том числе искусственно созданных, условиях создать реальную угрозу суверенитету и территориальной целостности России, из чего проистекает насущная необходимость эффективного правового регулирования охраны русского языка как государственного языка Российской Федерации и объекта национальной безопасности. Здесь необходимо подчеркнуть, что о поддержке русского языка в контексте национальной безопасности ученые-юристы говорят уже давно [12, стр. 27].

Возникает справедливый вопрос, насколько эффективно

осуществляется охрана русского языка в сферах безопасности личности, общественной и государственной безопасности на практике. Многочисленные конференции, собрания, форумы, иные мероприятия, посвященные состоянию русского языка, создание общественных организаций и фондов — все это, безусловно, полезно и нужно, но без правового решения проблем, связанных с русским языком, на современном этапе обойтись невозможно, и чем раньше это станет очевидным для законодателя, тем больше вероятность сохранения менталитета народа России, патриотизма, высокого интеллекта нации и других традиционных ценностей. Пока же языковые проблемы множатся и приобретают, как представляется, все более опасный характер. Прежде всего следует отметить следующие из них.

Неоправданное использование иноязычной лексики, латиницы и смешение кириллицы с латиницей получает все большее распространение в современной действительности. Естественно, речь не идет об иностранных словах, пришедших в Россию из-за рубежа вместе с предметами, явлениями, которые они обозначают. Как правило, такие заимствования, как принтер, флеш-карта и другие, связаны с технологиями, и нет никакой необходимости отказываться от них и пытаться их заменять придуманными русскими словами. Отечественный исторический опыт показывает, что такое проникновение иностранных слов, особенно в переломные эпохи, например в XVIII в., лишь обогащает язык.

Совершенно иначе нужно относиться к таким распространенным ныне словам, как паркинг, каршеринг, коворкинг, детейлинг, факторинг, ресепшен, промоушен и др. Многие из них имеют однозначные русские синонимы, некоторые отличаются полисемичностью и поэтому требуют уточнения на русском языке; это, как представляется, делает их употребление избыточным и неоправданным. Тем не менее в определенных кругах, особенно в сфере бизнеса, подобные заимствования используются без преувеличения агрессивно, что делает речь говорящего режущей слух, малопонятной, а порой и бессмысленной для слушающего. Следует отметить, что массированное употребление подобных слов становится объектом сатирического осмысления в некоторых российских телепередачах.

Еще одной проблемой является никем не контролируемое и ничем не мотивированное, кроме привлечения внимания, использование в названиях кафе, ресторанов, салонов и иных коммерческих заведений латиницы или смешение латиницы и кириллицы. Если рассмотренное выше неоправданное употребление иноязычных слов пока в большей степени встречается в корпоративных сообществах, то с использованием латиницы человек почти в любом среднем или крупном населенном пункте России обязательно встретится. По этому поводу в 2006 г. председатель исполкома Ассоциации учителей литературы и русского

языка Роман Дошинский в интервью ТАСС совершенно справедливо сказал: «Посмотрите сейчас на названия наших кафе, магазинов — это создает тот самый процент, который обеспечивает языковую среду для ребенка. То есть он видит искаженные облики слов, видит слова, где латиница перемешана с кириллицей. И он это впитывает» [URL : <https://tass.ru/obschestvo/3605642>].

Со смешением кириллицы с латиницей и использованием последней в названиях различных коммерческих структур, как представляется, тесно связана и иная проблема: раннее обучение детей иностранным языкам. Например, Л. В. Щерба считал раннее изучение иностранного языка позитивным для ребенка [16, стр. 84]; такой же позиции придерживались и другие ученые [6, стр. 124]. В частности, утверждалось, что на фоне усвоения родного языка в возрасте двух лет ребенку можно предлагать второй и даже третий язык для изучения, при этом рассматривались проблемы, затрудняющие процесс овладения языком у некоторых детей [9]. На современном этапе даже на обыденном уровне видно, что многие дети, начавшие по инициативе родителей изучать иностранный язык до школы, сталкиваются с серьезными проблемами, в том числе смешивая кириллицу с латиницей на уроках русского языка. Кроме того, исследования психологов и психолингвистов позволяют сделать вывод о том, что дошкольники и школьники даже в рамках родного языка «обнаруживают в целом неравномерность в развитии компетенции в фонетической, морфологической, лексической и синтаксической подсистемах языка» [4, стр. 11]. Все сказанное, как представляется, говорит о следующем: изучение иностранного языка в дошкольном и младшем школьном возрасте должно основываться на выявленных специалистом индивидуальных способностях ребенка, а не на моде или желании родителей выделиться.

Еще одной стороной проблемы влияния иностранных языков на русский язык является огромное количество англоязычных заимствований, используемых прежде всего на просторах Интернета: хайп, хейт, фейк и др. Отношение филологов к этому процессу неоднозначное: одни считают это допустимым, другие — однозначно неприемлемым. Думается, что уповать на силу и мощь русского языка, который переварит все и выйдет из сложившейся ситуации победителем, не совсем верно. Необходимо предпринимать все возможные меры для того, чтобы грамотно говорить и писать, избегать в речи неоправданного употребления жаргонизмов, заимствований и других засоряющих речь средств стало престижно.

Кроме перечисленных проблем, связанных с угрозами русскому языку как объекту национальной безопасности, следует также отметить снижающийся уровень грамотности и профессиональной компетентности государственных и муниципальных служащих [2]; правописание в нормативных правовых актах, отличающееся от нормативного; отсутствие

правового регулирования издательской деятельности, в связи с чем нередко учебная и научная литература не проходит полный цикл доредакционной подготовки (редактирование, корректура) [3]. Существует также целый ряд других вызовов, способных в долгосрочной перспективе нанести существенный урон русскому языку, а через него — иным объектам национальной безопасности.

В связи с этим представляется определенным недостатком отсутствие на конституционном уровне норм, посвященных охране государственного языка Российской Федерации.

В то же время в новой Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400) существенно расширен перечень угроз национальной безопасности, связанных с русским языком, а также более четко сформулированы основные задачи, среди которых «защита и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации, усиление контроля за соблюдением норм современного русского литературного языка, пресечение публичного исполнения, распространения через средства массовой информации продукции, в которой содержатся слова и выражения, не соответствующие указанным нормам...». В данном контексте следует выделить три важных момента.

1. В новой Стратегии 2021 г. появились слова «защита» и «поддержка», которые заменили расплывчатое и не совсем правовое понятие «государственная политика по реализации функции русского языка как государственного языка Российской Федерации», имевшее место в утратившей силу Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683). Подход, закрепленный в новой Стратегии, предоставляет законодателю широкое поле деятельности: от внесения изменений в Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» до разработки и принятия специального закона, например, с названием «О защите и поддержке русского языка как государственного языка Российской Федерации». Необходимо отметить, что в Федеральном законе «О государственном языке Российской Федерации» есть ст. 4, которая посвящена защите и поддержке государственного языка Российской Федерации. Однако положения данной статьи реализуются очень слабо, в том числе и потому, что они не находят развития в иных законах и правоприменительной практике. Возможно, Стратегия 2021 г. придаст новый импульс работе законодателей в сфере русского языка.

2. Предусмотренное в Стратегии 2021 г. «усиление контроля за соблюдением норм современного русского литературного языка» должно прежде всего стимулировать приведение указанных норм языка в соответствие с современным его состоянием. Возможно, именно рассматриваемый документ стратегического планирования обусловил

инициативу Минпросвещения России по подготовке проекта постановления Правительства РФ «Об утверждении правил русской орфографии», которым будут утверждены новые правила русской орфографии. Данный факт не может не радовать, поскольку необходимость в пересмотре и дополнении правил давно назрела, и нами еще в 2017 г. предлагалась выработка «рекомендаций по внесению изменений в правила русской орфографии и пунктуации 1956 года с учетом новых реалий» [3, стр. 64]. Однако вызывают тревогу два факта: во-первых, в названии проекта речь идет только об орфографии, тогда как пунктуация играет не менее важную роль (классическое «казнить нельзя помиловать»), а во-вторых, некоторая спешка, с которой планируется принять новые правила (правила должны быть готовы до конца 2021 г.; этот же год обозначен и в проекте). Думается, что не изменявшиеся с 1956 г. правила могут подождать еще около года спокойной и выверенной работы над ними специалистов. На момент написания данной статьи в средствах массовой информации появилась информация, что «члены Орфографической комиссии Российской академии наук попросили Министерство просвещения отозвать проект постановления Правительства “Об утверждении правил русской орфографии”» [URL: https://ria.ru/20211127/orfografiya-1761067250.html?chat_room_id=1761067250], что подтверждает правильность высказанной выше позиции.

3. Положение Стратегии 2021 г. о пресечении «публичного исполнения, распространения через средства массовой информации продукции, в которой содержатся слова и выражения, не соответствующие указанным нормам», позволит привлекать злостных нарушителей языковых норм как минимум к дисциплинарной и административной ответственности (при условии внесения дополнений в соответствующие кодексы и иные законодательные акты). Однако то, что в данном случае фигурируют только средства массовой информации, вызывает некоторые сомнения, поскольку серьезные нарушения норм русского литературного языка могут иметь место в изданиях, которые к указанным средствам отношения не имеют, например, в научной, научно-популярной, учебной литературе, нормативных правовых актах, документах официально-делового стиля и др. (об этом мы также писали ранее [3, стр. 64, 65]).

Краткий анализ Стратегии 2021 г. применительно к русскому языку показывает, что в целом, несмотря на некоторые недочеты, данный документ стратегического планирования открывает серьезные перспективы для кардинальных изменений в сфере защиты и поддержки государственного языка Российской Федерации. При этом многое будет зависеть от воли и мудрости всех трех ветвей власти.

Таким образом, русский язык как государственный является специфическим объектом национальной безопасности России. С одной стороны, его можно отнести к своего рода универсальному объекту

государственной безопасности, личной безопасности и общественной безопасности (причем, всех трех одновременно). С другой стороны, государственный язык России выступает в качестве своего рода гаранта иных объектов указанной триады, например, территориальной целостности в сфере государственной безопасности или духовной и материальной ценности в области общественной безопасности.

Литература

1. Азарнов, Н. Н. Совместная деятельность и язык как факторы становления высшей ступени развития психики личности / Н. Н. Азарнов // Высшее образование сегодня. — 2021. — № 5. — С. 41—45.
2. Алексеев, К. В. Правовая защита русского языка на уровне государственной и муниципальной власти как необходимое условие обеспечения национальной безопасности России / К. В. Алексеев // Третий Всероссийский форум русского языка, посвященный наследию академика И. И. Срезневского : сборник материалов. — Рязань, 2019.
3. Алексеев, К. В. Проблемы правовой защиты русского языка в контексте национальной безопасности России / К. В. Алексеев, Н. Ф. Воробьев // Юридическая наука. — 2017. — № 4. — С. 62—66.
4. Божович, Е. Д. Языковая компетенция как критерий готовности к школьному обучению (на материале родного языка) / Е. Д. Божович, Е. И. Козицкая // Психологическая наука и образование. — 1999. — Т. 4. — № 1.
5. Введение в языкознание / Ю. С. Маслов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Высшая школа, 1987.
6. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам / Н. Д. Гальскова. — Москва : Аркти, 2003.
7. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт ; пер. с нем. — Москва : Прогресс, 1984.
8. Далецкий, Ч. Б. Риторика в Вооруженных Силах Российской Федерации / Ч. Б. Далецкий // Предмет риторики и проблемы ее преподавания : материалы первой Всероссийской конференции по риторике. — Москва, 1998.
9. Жулина, Е. В. Внешняя речь и ее влияние на становление психики ребенка / Е. В. Жулина, А. Н. Шаповалов // Вестник Мининского университета. — 2017. — № 2.
10. Ирошников, Д. В. Безопасность как правовая категория : монография / Д. В. Ирошников. — Москва : Юридический институт РУТ (МИИТ), 2019.
11. Кондрашова, О. В. Методика преподавания русского языка в военном авиационном вузе / О. В. Кондрашова, И. В. Шельдешова. — Краснодар : Изд-во КВВАУЛ, 2018.
12. Мамонов, В. В. Конституционные основы национальной безопасности Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук / В. В. Мамонов. — Саратов, 2004.
13. Палкин, А. Д. Трактовка взаимосвязи языка и мышления: исторический экскурс / А. Д. Палкин // Вестник Московского института лингвистики. — 2014. — № 2—1. С. 54—65.
14. Потенция, А. А. Слово и миф / А. А. Потенция. — Москва : Правда, 1989.
15. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / ответственный редактор Б. А. Серебрянников — Москва : Наука, 1988.
16. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — Москва : Наука, 1974.

References

1. Azarnov, N. N. Sovmestnaya deyatel'nost' i yazyk kak faktory stanovleniya vysshey stupeni razvitiya psikhiki lichnosti [Joint activity and language as factors of the formation of the highest stage of development of the personality psyche] / N. N. Azarnov // Vyssheye obrazovaniye segodnya. — 2021. — № 5. — S. 41—45.
2. Alekseyev, K. V. Pravovaya zashchita russkogo yazyka na urovne gosudarstvennoy i munitsipal'noy vlasti kak neobkhodimoye usloviye obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Rossii [Legal protection of the Russian language at the level of state and municipal authorities as a necessary condition for ensuring the national security of Russia] / K. V. Alekseyev // Tretiy Vserossiyskiy forum russkogo yazyka, posvyashchenny naslediyu akademika I. I. Sreznevskogo : sbornik materialov. — Ryazan', 2019.
3. Alekseyev, K. V. Problemy pravovoy zashchity russkogo yazyka v kontekste natsional'noy bezopasnosti Rossii [Problems of legal protection of the Russian language in the context of the national security of Russia] / K. V. Alekseyev, N. F. Vorob'yev // Yuridicheskaya nauka. — 2017. — № 4. — S. 62—66.
4. Bozhovich, Ye. D. YAzykovaya kompetentsiya kak kriteriy gotovnosti k shkol'nomu obucheniyu (na materiale rodnogo yazyka) [Linguistic competence as a criterion of readiness for school education (based on the native language)] / Ye. D. Bozhovich, Ye. I. Kozitskaya // Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye. — 1999. — T. 4. — № 1.
5. Vvedeniye v yazykoznaniye [Introduction to linguistics] / YU. S. Maslov. — 2-ye izd., pererab. i dop.— Moskva : Vysshaya shkola, 1987.
6. Gal'skova, N. D. Sovremennaya metodika obucheniya inostrannym yazykam [Modern methods of teaching foreign languages] / N. D. Gal'skova. — Moskva : Arkti, 2003.
7. Gumbol'dt, V. fon. Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu [Selected works on linguistics] / V. fon Gumbol'dt; per. s nem. — Moskva : Progress, 1984.
8. Daletskiy, CH. B. Ritorika v Vooruzhennykh Silakh Rossiyskoy Federatsii / CH. B. Deletskiy [Rhetoric in the Armed Forces of the Russian Federation] // Predmet ritoriki i problemy yeye prepodavaniya : materialy pervoy Vserossiyskoy konferentsii po ritorike. — Moskva, 1998.
9. Zhulina, Ye. V. Vneshnyaya rech' i yeye vliyaniye na stanovleniye psikhiki rebenka [External speech and its influence on the formation of the child's psyche] / Ye. V. Zhulina, A. N. Shamov // Vestnik Mininskogo universiteta. — 2017. — № 2.
10. Iroshnikov, D. V. Bezopasnost' kak pravovaya kategoriya : monografiya [Safety as a legal category] / D. V. Iroshnikov. — Moskva : Yuridicheskiy institut RUT (MIIT), 2019.
11. Kondrashova, O. V. Metodika prepodavaniya russkogo yazyka v voyennom aviatsionnom vuze [Methods of teaching the Russian language in a military aviation university] / O. V. Kondrashova, I. V. Shel'deshova. — Krasnodar : Izd-vo KVAUL, 2018.
12. Mamonov, V. V. Konstitutsionnyye osnovy natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii : dis. ... d-ra jurid. nauk [Constitutional foundations of the national security of the Russian Federation] / V. V. Mamonov. — Saratov, 2004.
13. Palkin, A. D. Traktovka vzaimosvyazi yazyka i myshleniya: istoricheskiy ekskurs / A. D. Palkin [Interpretation of the relationship between language and thinking: a historical excursion] // Vestnik Moskovskogo instituta lingvistiki. — 2014. — № 2—1. S. 54—65.
14. Potebnaya, A. A. Slovo i mif [Word and myth] / A. A. Potebnaya. — Moskva : Pravda, 1989.
15. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: YAzyk i kartina mira [The role of the human

- factor in language: Language and picture of the world] / otvetstvennyy redaktor B. A. Serebrennikov — Moskva : Nauka, 1988.
16. Shcherba, L. V. YAzykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' [Language system and speech activity] / L. V. Shcherba. — Moskva : Nauka, 1974.